

Соколова Валентина Федоровна

С. ТУРГЕНЕВ И А. Ф. ПИСЕМСКИЙ (К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

В статье рассматриваются творческие взаимоотношения двух писателей - И. С. Тургенева и А. Ф. Писемского, прошедших (каждый в свое время) влияние этнографической школы В. И. Даля; раскрывается благотворное влияние на Писемского автора "Записок охотника"; акцентируется внимание на их схождениях и отталкиваниях в подходах к изображению русской действительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. I. С. 180-183. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Ярошук И. А. Когнитивно-метафорическая палитра текста (на материале художественной прозы писателей черноземья) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): Ч. 1. С. 215-217.
4. Doležal L. Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1998. 339 p.
5. Duffy C. A. Interview with Andrew McAllister [Электронный ресурс] // Bete Noire. 1988. № 6. P. 69-78. <http://www2.hull.ac.uk/fass/pdf/The%20Intolerable%20Wrestle%20With%20Words.pdf> (дата обращения: 27.01.2015).
6. Eco U. The Role of the Reader. London: Hutchinson, 1979. 268 p.
7. Hamilton C. Conceptual Integration in Christine de Pizan's of Ladies // Cognitive Stylistics / E. Semino and J. Culpeper (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 1-22.
8. Miall D. S. Thinking With the Body: Feeling in Literary Reading [Электронный ресурс] // Conference on "Cognitive Poetics: A Multimodal Approach". Victoria College, University of Toronto. 2009. June 10-14. URL: http://www.semioticon.com/virtuals/poetics/miall_1.pdf (дата обращения: 04.11.2014).
9. Poetics Today. 2011. Vol. 32 N 3/4. Special Issue. Exchange Values: Poetics and Cognitive Sciences.
10. Rees-Jones D. Carol Ann Duffy. Second Edition. Plymouth: Northcote House in association with British Council, 1999. 58 p.
11. Scottish Poetry Library [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scottishpoetrylibrary.org.uk/poetry/poets/carol-ann-duffy> (дата обращения: 20.10.2014).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КОГНИТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

Саркисян Мариана Самвеловна, к. филол. н.
Ереванский государственный университет, Армения
mariana_sargsyan@yahoo.com

Целью данной статьи является обоснование важной роли когнитивного подхода в изучении индивидуального стиля автора, присущего ему способов визуализации действительности и его материализации в произведении. На основе произведений современного британского писателя К. А. Даффи мы попытались разъяснить взаимодействие между текстом и концептуальным и эмоциональным мышлением автора.

Ключевые слова и фразы: когнитивный; индивидуальность; стиль; когнитивная основа; контраст; воплощенное познание; смысл текста.

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматриваются творческие взаимоотношения двух писателей – И. С. Тургенева и А. Ф. Писемского, прошедших (каждый в свое время) влияние этнографической школы В. И. Даля; раскрывается благотворное влияние на Писемского автора «Записок охотника»; акцентируется внимание на их схождениях и отталкиваниях в подходах к изображению русской действительности.

Ключевые слова и фразы: писатель; очерки; творческие взаимоотношения; влияние; крестьянская жизнь; реалистическое мастерство; правда жизни.

Соколова Валентина Федоровна, д. филол. н., профессор
Нижегородский государственный инженерно-экономический институт
itoid@yandex.ru

И. С. ТУРГЕНЕВ И А. Ф. ПИСЕМСКИЙ (К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)[©]

Роль И. С. Тургенева в творческой судьбе А. Ф. Писемского трудно переоценить. Благотворное влияние на него Тургенева Писемский осознал очень рано и, судя по их переписке, прилагал все усилия к тому, чтобы связующая их нить не прерывалась. С отсутствием Вашим я в моей и без того небогатой радостями жизни лишился большей половины моего нравственного существования. Я не знаю, зачем я живу теперь в Петербурге, для чего? Прежде я мог отвечать на это. Я мог сказать: я живу здесь потому, что здесь есть человек, который меня поднимает нравственно [6, с. 146], – писал он Тургеневу в ноябре 1857 г. Писемский всегда видел в лице прославленного писателя литературного наставника и непререкаемый нравственный авторитет.

Их знакомство состоялось зимой 1854-1855 гг. в Петербурге, куда автор «Записок охотника» приехал после ссылки в Спасское. Писемский произвел на Тургенева неотразимое впечатление своей самобытностью, талантом непревзойденного рассказчика и присущей ему тонкой наблюдательностью. Одаренный мастер художественного слова, он, по словам В. П. Анненкова, напоминал исторического великорусского мужика, прошедшего через университет, усвоившего общечеловеческую цивилизацию и сохранившего многое, что отличало его до этого посвящения в европейскую науку [1, с. 6].

Выступив в литературе в середине 40-50-х годов, оба писателя прошли хорошую школу реалистического мастерства, испытывая неотразимое влияние принципов натуральной школы и заветов Белинского. Судя по их

[©] Соколова В. Ф., 2015

переписке этого периода, Писемский надеялся найти в Тургеневе нелицеприятного судью и доброжелательного советчика. «Вы мне ничего не пишете о моих произведениях, – сетует он в одном из писем к Тургеневу, – тогда как это для меня более, чем для кого другого, необходимо. Я очень еще мало устоялся, у меня взболтано внутри...» [6, с. 147]. Он восхищается тургеневскими «Записками охотника» и по примеру своего учителя пробует силы в художественном изображении народной жизни, воспринимая одновременно опосредованным образом опыт и другого мастера рассказа из народной жизни – В. И. Даля, который привлек к исследованию жизни народов России видных литераторов, фольклористов, этнографов и общественных деятелей. У него учились видные писатели 40-50-х годов: П. И. Мельников-Печерский, А. А. Потехин, М. Л. Михайлов и другие. На него ориентировался и И. С. Тургенев, начиная свои «охотничьи рассказы» [8, с. 270].

На связь тургеневских «Записок охотника» с творческим опытом Даля как блестящего мастера физиологического очерка впервые указал в 1918 году А. Е. Грузинский, подчеркнувший что «...суть очерка (“Хорь и Калиныч” – В. С.) в характеристиках, ведущихся почти исключительно путем авторских описаний: включены бытовые особенности края (продажа кос и покупка тряпья орлами) без всякой связи с содержанием рассказа; эта особенность ставит первую попытку Тургенева в близкую связь с физиологическим очерком своего времени» [2, с. 6].

Особенно сильное влияние со стороны Даля Тургенев испытывает в первой половине 40-х годов. Вернувшись из Германии, начинающий писатель, служа в 1842-1845 годах в Министерстве внутренних дел под непосредственным началом Даля, не мог избежать его воздействия и как ученого-этнографа, и как писателя, которого в 40-е годы сам Белинский называл первым беллетристом русской литературы.

В кругу писателей школы Даля Писемский оказался не без влияния автора «Записок охотника». Ориентация на факт, очерковость описаний, отчетливо выраженный этнографизм рассказов Писемского из «Очерков из крестьянского быта» (1852), созданных на основе наблюдений над жизнью крестьян Костромской губернии, ставят его в прямую зависимость от опыта как Тургенева, так и Казака Луганского. «Знанием народного быта в реальных будничных его подробностях, – справедливо замечает Л. М. Лотман, – интерес к устойчивым понятиям народа, его верованиям и даже предрассудкам, к народной поэзии и речи народной среды, описательный тон воспроизведения фактов, а не вымысла – все эти черты связывают Писемского со школой Даля» [4, с. 217].

Начиная творческий путь как типичный представитель этнографической школы Даля, Писемский свои «Очерки из крестьянского быта» создавал явно с оглядкой на тургеневские «Записки охотника». Это бросается в глаза уже при сравнении первого очерка Тургенева («Хорь и Калиныч»), который включает описание географических и бытовых особенностей орловского края, с открывающим цикл Писемского рассказом «Питершик», построенным явно по аналогии с «Хорем и Калинычем». Если очерк Тургенева начинается сравнением калужского мужика с орловским, то рассказ Писемского – противопоставлением Чухломского уезда Нерехтскому и Кинешемскому, а в сноске, по примеру Тургенева, делается примечание, указывающее на то, что названные уезды относятся к Костромской губернии. Подобно Тургеневу, Писемский обращает внимание на все мелочи из жизни костромской провинции, своеобразие местной лексики и произношения населения уезда. «Произношение женщины без сомнения обратит на себя внимание, – замечает он, – представьте себе московское наречие несколько на “а” и усильте его до невероятной степени, так что, говоря на нем, надобно, как и для английского, делать гримасы!» [7, с. 436].

Фактографичность в «Очерках из крестьянского быта» достигает такой степени, что в них вводятся в качестве активно действующих персонажей конкретные исторические лица. В рассказе «Плотничья артель» сам автор выступает под собственным именем: «Батюшка Алексей Феофилактыч», – обращаются к нему крестьяне. «Господин Писемский», – называют его мужики. Более того, сельчане вспоминают покойного отца писателя «Филата Гаврилыча», а барышня Нимфодора в разговоре с рассказчиком замечает: «Тут я читала ваше сочинение, “Тюфяк” называется!» [Там же, с. 606-610].

Описывая нравы, обычаи, лексическую культуру населения края, используя местный фольклор, Писемский создает этнографический фон, заселяя его своими героями, каждый из которых несет на себе печать изображаемой местности. Так строил свои очерки Даль, так построено большинство «охотничьих» рассказов Тургенева. В связи с этим первая часть названного очерка Писемского воспринимается как обычное научно-этнографическое исследование, раскрывающее своеобразие народной жизни костромского Поволжья. В нем дается подробное описание занятий и праздничных увеселений жителей края, их нравов и обычаев, народного искусства – всего того, что характерно исключительно для изображаемой местности. Такой нарядной сбруи я в других местах нигде не видывал, – повествует рассказчик, – на узде, например, навязано по крайней мере с десятков бубенцов, на шлее медный набор сплошь – весом с полпуда, а дуга по золотому фону расписана розанами [Там же, с. 437].

Стремление к точности изображения жизненных явлений, с одной стороны, ставит «крестьянские очерки» Писемского в прямую зависимость от тургеневских «Записок охотника», с другой стороны, отсутствие в них присущего тургеневским рассказам лирического начала определяет свойственные только им специфические особенности.

Ярко выраженная объективность и исследовательский пафос рассказов Писемского были рассчитаны не на эмоциональное воздействие в обличении крепостничества, что было характерно для рассказов Тургенева, а настраивали читателя на аналитический подход к изображаемому, на современную оценку социальных конфликтов. Очевидно, поэтому современная Писемскому критика не только не находила в его рассказах следования тургеневским традициям, а нередко противопоставляла их «Запискам охотника», воспринимавшимся как прямой протест против крепостничества. Анненкова, например, возмущало «равнодушие» Писемского к этому, основному вопросу времени. В статье «Романы и рассказы из простонародного быта»

он писал, что как в „Питерщике“, так и в других очерках писателя не приходится искать „современной истины“ – картин крепостнических отношений. Подобную оценку „Очеркам из крестьянского быта“ давал и Дружинин, называя Писемского представителем „школы чистого и независимого творчества“ и противопоставляя его писателям школы гоголевского направления.

С такой оценкой своих очерков Писемский, конечно, согласиться не мог. „На его разбор моего „Питерщика“ я бы мог его резать, потому что он совершенно не понял того, что писал я, – в гневе в полусуточку, в полусерьез писал он, отзываясь на статью Анненкова [6, с. 71].

По-другому оценили рассказы Писемского Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский, сразу поставившие писателя в один ряд с Тургеневым и Григоровичем. „Подобные рассказы особенно удаются автору, – писал Некрасов, – и после мастерских очерков г.г. Даля, Тургенева и Григоровича народные рассказы г. Писемского, конечно, лучшие в русской литературе [5, с. 314]. Чернышевский увидел в них неприкрашенную правду жизни, русский крепостной уклад. Писатель, по словам критика, создал общий фон крепостной действительности, точные черты которой выражены во всем: и в бесправии народа, и в засилии бюрократии, и в обнищании русской провинции [10, с. 571].

В „Очерках из крестьянского быта“ в полной мере отчетливо проявились и особенности художественной манеры самого Писемского, его суровый реализм в изображении жизненных явлений. Теоретически отрицая целесообразность введения в художественное произведение „восторженно-поэтических моментов“, писатель в то же время, сопоставляя свои очерки с тургеневской прозой, с горечью сознавал разделяющую их дистанцию, определяемую именно отсутствием в них поэтического начала. Ознакомившись с вышедшими в 1856 году в трех томах рассказами и повестями Тургенева, он писал их автору: „Всеми этими теплыми, благоухающими рассказами я точно елеем полил на свои сердечные раны, и тут, как нарочно, принесли мне мои собственные „Очерки из крестьянского быта“, изданные Печаткиным. Я перелистывал их, – признается он Тургеневу, – и готов был плюнуть самому себе в лицо, так мне показалось все сухо и прозаично. Говорят, правды много! Да черт ли в этой правде, когда ешь ее, как намазаную кашу [3, с. 148].

В тургеневских „охотничьих“ рассказах Писемский особенно высоко ценит именно те „романтические“ тенденции, которые улавливал в „нежных“ и „тонких“ красках изображения жизненных явлений, совершенно, как он признается, отсутствующих в его собственных рассказах. „Вступить за романтизм в наше время – дело нужное и честное, и Вы один из современных писателей могли бы, кажется, сделать это по свойствам Вашего таланта... Я отхлещу практичность, положительность, слова не сумею сказать за романтизм [6, с. 22], – писал он Тургеневу 30-го мая 1855 года.

Действительно, Писемского трудно заподозрить в пристрастии к поэтическому освещению жизненных явлений. Его рассказы отличает полное „бесстрастие“ и „ужасающая“ (А. Григорьев) правда изображения, граничащая с научным исследованием социальных явлений. Раскрывая русский национальный характер, Писемский как бы воспроизводит сам непосредственный процесс его исследования. Распутывая и объясняя побудительные причины тех или иных поступков героев, он выступает как тонкий психолог и знаток социальных конфликтов своего времени.

Говоря о литературном мастерстве Писемского, Чернышевский отмечает именно его „объективность“ и спокойствие тона, воздействующие на читателя, по его словам, не менее сильно, чем эмоциональный тон Тургенева или Григоровича. Он, – отмечает критик, – излагает дело с видимым бесстрашием докладчика. Но равнодушный тон докладчика вовсе не доказывает, чтобы он не желал решения в пользу той или другой стороны, напротив, весь доклад так составлен, что решение должно склоняться в пользу той стороны, которая кажется правой докладчику [10, с. 571].

Дар объективного живописания Писемского высоко ценил и Тургенев. „Вот Писемский – мастер. Как рисует этот человек! <...> Писемский – профессор литературного рисунка [9, с. 109], – писал он П. А. Анненкову в марте 1857 года.

Писемский полностью согласен с Тургеневым в оценке народного характера и проблем современной ему русской действительности. Как и автор „Записок охотника“, он обнаруживает в крестьянине незаурядный ум, смекалку, практическую деловитость и доброе, благородное сердце. Специфика героя Писемского состоит в том, что он показан человеком, способным на большое охватывающее все его существо чувство, перед которым действительно „отстают все другие интересы“ (Л. М. Лотман).

Подобно тургеневскому Хорю, герой первого рассказа Писемского – опытный, практичный крестьянин-подрядчик, обладающий незаурядным умом и практической сноровкой, сумевший выбиться из нужды и обрести относительную независимость. Если Тургенев нежное, доброе сердце своего героя обнаруживает в его отношениях с Калинычем, то Писемский акцент делает на способности питерщика безрассудно и безоглядно отдаваться любви к женщине.

Климентий Матвейч в своей жизни переживает неоднократные взлеты и падения, но из каждой катастрофы выходит несломленным, а неизменно верящим в свои силы и человеческий разум. Выбившись в люди, благодаря своей сноровке, пережив смерть горячо любимой жены, он, будучи женатым вторично, испытывает разрушительную любовную страсть, которая разорила его и выбила из обычной жизненной колеи.

Важное значение в трактовке русского национального характера имеет сообщение рассказчика о его последней встрече с героем: „Он сидел в волчьей шубе, с золотым перстнем на пальце, в ботфортоподобных сапогах [7, с. 465].

В образе питерщика Писемский увидел характерные черты народного характера – его волевые качества и стойкость. Порадовавшись успеху питерщика, – пишет он в заключение, – я вместе с тем в лице его порадовался и вообще за русского человека! [Там же, с. 464].

Раскрывая темные стороны русской провинциальной жизни – бедность, бесправие, забитость населения края, – Писемский выдвигает свой рецепт оздоровления русской крепостной действительности. Он глубоко верит в спасительную роль честной службы в чем, безусловно, сказался его личный опыт и опыт других литераторов 50-х годов, в частности, П. И. Мельникова-Печерского, А. А. Потехина и других писателей, сочетавших литературную деятельность со службой в качестве губернских и министерских чиновников. В Лешем Писемский выводит образ идеальной честности кокинского исправника Шамаева, который, выходя в роли народного заступника, раскрывает преступления управляющего, освобождая таким образом крестьян от грубого произвола и насилия.

Все надежды на оздоровление деревенского мира и улучшение положения крестьян Писемский, как и другие либеральные обличители 50-х годов, возлагает на честных чиновников, строгих блюстителей законности и порядка, и на сохранение веками складывавшейся народной нравственности.

Список литературы

1. Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. Отд. II. СПб., 1879. 404 с.
2. Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. Личность и творчество. М.: Грань, 1918. 244 с.
3. Литературное наследство. М.: Наука, 1964. Т. 73. Кн. 2. 508 с.
4. Лотман Л. М. А. Ф. Писемский // История русской литературы. Л.: Наука, 1983. С. 203-232.
5. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений: в 12-и т. М.: Художественная литература, 1950. Т. 9. 840 с.
6. Писемский А. Ф. Письма. М. – Л.: Правда, 1936. 367 с.
7. Писемский А. Ф. Собрание сочинений: в 9-и т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. 637 с.
8. Соколова В. Ф. И. С. Тургенев и В. И. Даль // Проблемы славянской культуры и цивилизации. Уссурийск: Изд-во Уссурийского гос. ун-та, 2008. С. 270-274.
9. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 28-ми т. Л.: Наука, 1961. Т. 3. 445 с.
10. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15-ти т. М.: Красный пролетарий, 1948. Т. 4. 984 с.

I. S. TURGENEV AND A. F. PISEMSKY (ON THE PROBLEM OF CREATIVE RELATIONSHIPS)

Sokolova Valentina Fedorovna, Doctor in Philology, Professor
Nizhniy Novgorod State Engineering-Economic Institute
umoiptd@yandex.ru

The article examines creative relationships of the two writers - I. S. Turgenev and A. F. Pisemsky – who experienced (each in his time) the influence of ethnographical school by B. I. Dal; the paper analyzes the beneficial influence of the author of “The Hunter’s Sketches” on Pisemsky; the researcher focuses on their agreements and disagreements in the approaches to representing Russian reality.

Key words and phrases: writer; essays; creative relationships; influence; peasant life; realistic mastery; realities of life.

УДК 372.8

Педагогические науки

Данная статья посвящена обоснованию и характеристике основных технологий, направленных на эффективное формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов социального вуза. Применение данных технологий позволяет студентам социального вуза успешно решать профессиональные задачи средствами иностранного языка.

Ключевые слова и фразы: технология; иноязычная коммуникативная компетенция; социальная сфера; студенты социального вуза; иноязычное образование.

Солодовникова Юлия Юрьевна, к. пед. н.

Клинцова Юлия Витальевна, к. филол. н.

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Анапе
yul-solod2008@yandex.ru; klintsovajulija@mail.ru

ТЕХНОЛОГИИ ЭФФЕКТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНОГО ВУЗА

Стремительные изменения в общественной жизни, произошедшие в РФ на рубеже XX-XXI столетий, процессы глобализации, переход к информационному обществу вызвали изменения в системе высшего образования,